A classical oil painting depicting Catherine the Great and Alexander Suvorov. Catherine is on the left, wearing an ornate crown with pearls and rubies, and large pearl earrings. She has a serene expression. Alexander is on the right, in military uniform with a high collar and epaulettes, looking off to the side with a serious expression. The background is dark and indistinct.

Борис Бурда

**ВЕЛИКИЕ
РОМАНЫ
ВЕЛИКИХ
ЛЮДЕЙ**

Лица. Эпизоды. Факты.

Лица. Эпизоды. Факты

Борис Бурда

Великие романы великих людей

«Издательство АСТ»

2016

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бурда Б. О.

Великие романы великих людей / Б. О. Бурда — «Издательство АСТ», 2016 — (Лица. Эпизоды. Факты)

Великие, знаменитые и просто известные люди всем любопытны, и причин на это хватает. Если, как часто и бывает, они личности незаурядные, этот интерес понятен – хочется узнать и разобраться, как они добыли свою славу или удержали полученную по наследству, что для этого сделали они и не сделали мы, чему у них можно и нужно поучиться. С удивлением узнаешь, что они совершенно такие же люди, как мы с вами... Очередную мою книгу о великих романах как раз и составят несколько историй о любви монархов разных времен к таким роковым женщинам. Иногда речь пойдет о тех роковых женщинах, которые сами являлись владыками своих стран и престолов – в сущности, всё то же самое, в этой области у мужчин и женщин уж точно равные права. Но во всех историях есть общее – они дорого обошлись стране, которой кто-то из влюбленной пары управлял. Похоже, что так в основном и бывает, и это совсем не то, что о любви принято говорить и, что печальнее, думать. Не потому, что сама любовь – это что-то плохое: нет, конечно. Просто все хорошо на своем месте. Думаете иначе? Прочитайте сами и подумайте еще раз.

УДК 821.161.1-311
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бурда Б. О., 2016
© Издательство АСТ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Гарем и хюррем, или Карьера одной Роксоланы	8
Сулейман Кануни: начало конца	9
Настя: наложница султанских кондиций	14
Роксолана: выбор сделан	16
Хюррем: она же Хасеки	22
Мехмед Фатих: султанским братьям не жить!	23
Ибрагим-паша: воспротивившемуся смерть!	26
Мустафа: цель поражена!	29
Селим: мусульманин-алкаш	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Борис Бурда
Великие романы великих людей

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Предисловие

Великие, знаменитые и просто известные люди всем любопытны, и причин на это хватает. Если, как часто и бывает, они личности незаурядные, этот интерес понятен – хочется узнать и разобраться, как они добились свою славу или удержали полученную по наследству, что для этого сделали они и не сделали мы, чему у них можно и нужно поучиться, а что пригодится для еще более полезной вещи – чтобы твердо усвоить, что так поступать нельзя, а то хуже будет. Если с удивлением узнаешь, что они совершенно такие же люди, как мы с вами, можешь с удовольствием убедиться, что не боги горшки обжигают и то, что совершили великие короли, полководцы и первооткрыватели, и тебе вполне посильно, а это льстит самолюбию, хотя и не всегда правда. В любом случае жизнь замечательных людей гораздо интереснее изучать, чем биографии не поймешь кого, – она обычно прекрасно документирована, историки по листку, строчке и цитате собирали все, что время нам от их жизни оставила, пушкинисты вот рыдают, что о целых двадцати днях жизни Пушкина не сохранилось никаких документов, кошмар! Начинаешь вчитываться в их биографии, и оказывается, что это увлекает и затягивает. Чем пристальнее вглядываешься, тем больше различаешь, тем чаще приходишь к выводу, что ты об этом представления не имел и мало кому это известно. Расхожие, привычные представления о знаменитостях – в лучшем случае примитивная схема, а еще чаще прямая неправда. Разбираешься в биографии, и словно фото проявляется – туманная картинка становится ясной и отчетливой.

Надо признать, что один из самых интересных фрагментов этой картинки – то, что принято называть «личной жизнью», великие романы великих и знаменитых. Проще всего посчитать интерес именно к этой части их биографий приземленным и обывательским, но правда ли это? Человек наиболее интересен нам в момент высшего напряжения своих сил, а любовь один из лучших в мире способов заставить сделать самую высокую, иногда даже непосильную ставку и бросить на карту все, не сундуча про запас и не ограничивая себя скучной логикой и грошовым расчетом. Яркого человека она делает еще ярче, талантливого – еще талантливей, парадоксального – еще парадоксальнее, злого, жестокого, коварного и корыстного... да-да, к сожалению, именно так. Сильные чувства – универсальный усилитель всего, в том числе и нашего интереса к человеку, способному их проявлять. Недаром великие романы великих людей стали любимыми сюжетами знаменитых трагедий – там часто и додумывать нечего, стоит по-настоящему разобраться, как там бело было, сразу получится такой трагический сюжет, что писателю и не придумать, а если он осмелится, ему сразу скажут: «Ну, это ты уж слишком, такого просто быть не может!»

Не все великие романы – трагедии, иногда это история успеха, хотя обычно трудного и неоднозначного. Но вот с любовными историями королей, царей, султанов и прочих наследственных владык дело обычно обстоит значительно хуже. В давние времена абсолютной власти, когда в государстве некому было им сказать: «Подумай, не делай этого!» – они как только под действием мощных эмоций складывали мозги на сохранение в холодное место и без их участия решали и делали сугубо то, чего их левая нога захочет, а в итоге получалось такое, что страна не всегда выдерживала. Причем если результаты их чувств обрушивались на страну сразу, это было еще ничего, более-менее терпимо – гораздо хуже получалось, когда тихий ужас от их последствий начинался этак лет через сто. В этом случае обычно и дергаться было поздно – неоперабельный случай, все проросло, где вы раньше были? А раньше, оказывается, была большая любовь...

Очередную мою книгу о великих романах как раз и составят несколько историй о любви монархов разных времен к таким роковым женщинам. Иногда речь пойдет о тех роковых женщинах, которые сами являлись владыками своих стран и престолов – в сущности, всё то же

самое, в этой области у мужчин и женщин уж точно равные права. Но во всех историях есть общее – они дорого обошлись стране, которой кто-то из влюбленной пары управлял. Похоже, что так в основном и бывает, и это совсем не то, что о любви принято говорить и, что печальнее, думать. Не потому, что сама любовь – это что-то плохое: нет, конечно. Просто все хорошо на своем месте. Думаете иначе? Прочитайте сами и подумайте еще раз.

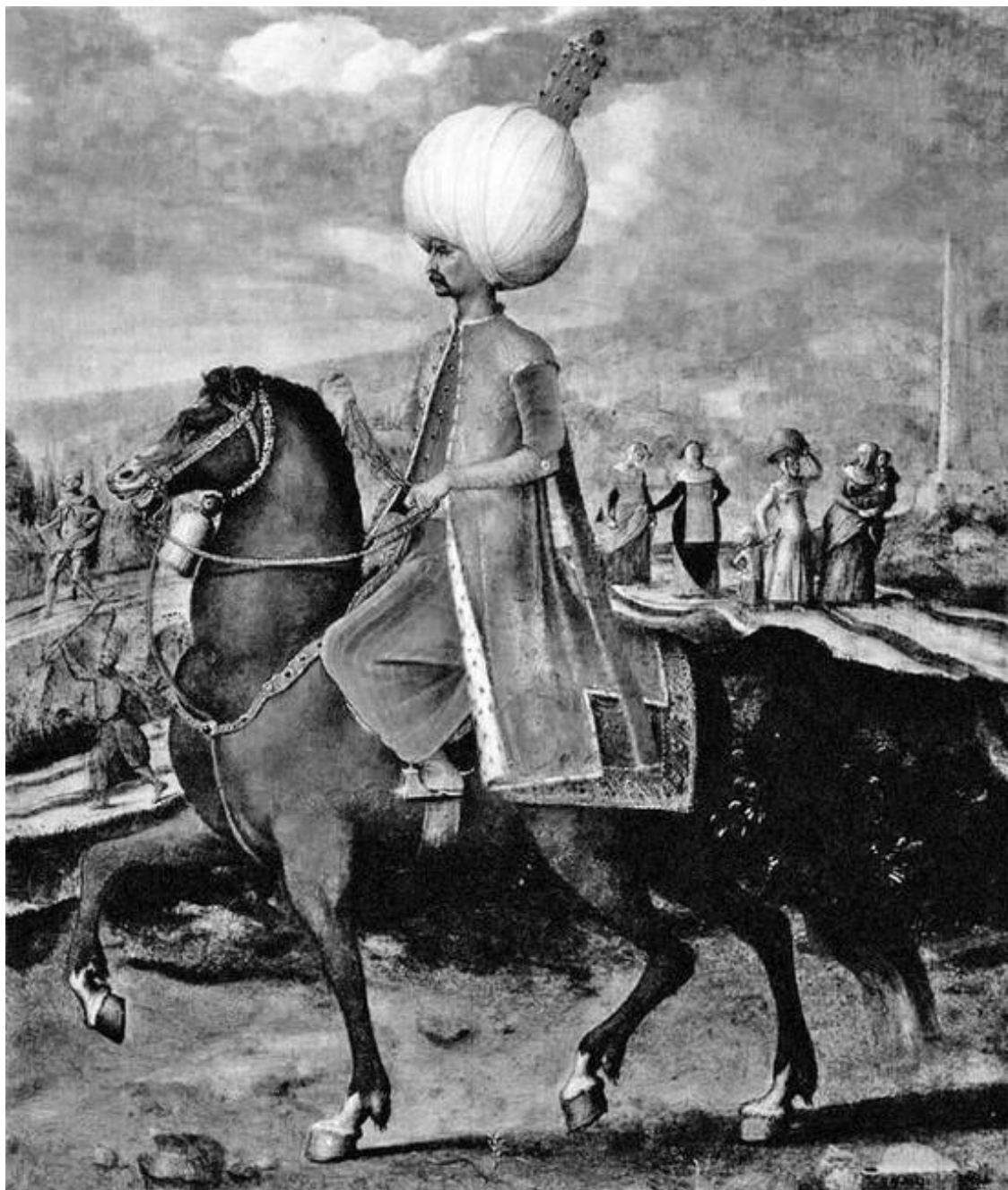

Гарем и хюррем, или Карьера одной Роксоланы

Ее считали романтической героиней, примером великой любви, преодолевающей все различия – сословные, национальные, культурные и религиозные. А она оказалась палачом огромной империи, остановив ее шествие от победы к победе. Уже ее сын, унаследовавший престол, который вовсе не ему должен был достаться, затормозил развитие страны и положил конец ее небывалым успехам. А при его потомках все стало еще мрачней и беспросветней. Оплатила ли она черной неблагодарностью за любовь и почет? Или имела право так отомстить за свои ужасные страдания? Попробуем разобраться...

Сулейман Кануни: начало конца

На протяжении всех шести столетий без двух годочков существования Османской империи ни один ее владыка не достигал такой славы, как Сулейман Великолепный – именно так его прозвали даже привыкшие к роскоши венецианцы, сраженные наповал красотой и богатством его дворцов и мечетей. Его слава как султана-завоевателя вполне сравнима с грозным реноме покорителя Константинополя Мехмеда Фатиха и захватчика Египта, его родного отца Селима Явуза (какие только переводы слова «Явуз» я не встречал – «Жестокий», «Непреклонный», «Суровый» и даже «Грозный», в основном у русских исследователей, очевидно, по сходству психики). На его, так сказать, боевом счету завоевание большей части территории Венгрии после победоносной битвы при Мохаче, в результате которой двадцатилетний венгерский король Лайош утонул в болоте во время бегства, а его отрубленная голова стала украшением пирамиды из нескольких тысяч голов венгерских воинов, рыцарей и епископов. Это на севере – дальше османы не прошли, штурмы Вены австрияки отбивали один за другим, вот и у Сулеймана не получилось, но это рекорд. Причем это еще не все его успехи в Европе – скажем, для полноты картины стоит упомянуть Молдову. Там он так страшно разбил сына Штефана Великого Петра Рареша, что тот предпочел вернуться на свой престол на кончиках турецких ятаганов, согласившись на полную покорность ради поддержки претензий хотя бы на куцую и урезанную власть.

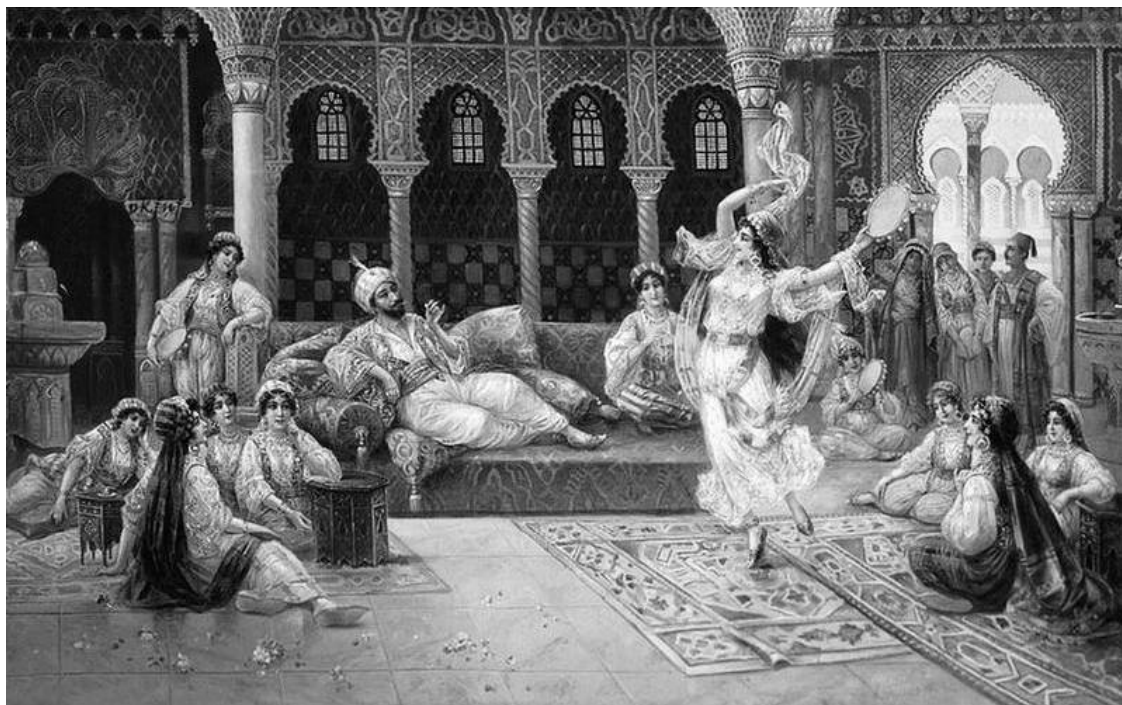
Сулейман Великолепный. Мастерская Тициана. XVI в.

На западе его войска, базируясь на покоренный Селимом Явузом Египет, бросили к его ногам не только Триполи, но даже Алжир. Попытка его главного противника на европейском театре войны Карла V вернуть Алжир позорно провалилась, с захватом Туниса Карлу повезло чуть больше, но и его император не смог удержать и оставил. На востоке Сулейман исключительно удачно воевал с персидским шахом Тахмаспом, брал его столицу Тебриз четыре раза и в итоге отобрал огромный Ирак и вечно беспокойный Курдистан. На юге он покорил Аравию, с переменным успехом сражался с португальцами и даже направил флот на завоевание Индии – правда, безуспешно. Но уж в Африке окопался настолько прочно, что стараниями его сына Селима в Судане до сих пор живет племя мадьярабок, в лексиконе которого и в наше время сохранились венгерские слова – как многие владыки империй, он ссылал повстанцев с одного края империи на противоположный, вот и побежденных венгров сослал в Судан, пусть живут как хотят. В общем, воин умелый и успешный, ужас Европы тех лет, да и в мире не припомню

в этот период ни одного царя, короля, султана, шаха, императора, раджу, ди, вана или богдыхана, который бы большую часть территории завоевал, больше народу истребил, больше соседей перепугал и ограбил.

Но Сулейман явно был чем-то больше, чем очередной Атиллы, «Бич Божий», славный только размерами причиненного ущерба. Он был законник, строитель государства, которого собственные подданные прозвали Сулейман Кануни, то есть Законодатель. Подробный свод законов, регламентирующий жизнь империи, очень непохожей на привычные нам, был создан по его повелению и при его личном участии. И законы эти, пожалуй, были во многом ближе к современным, чем кодексы современных ему европейских монархий. Национальное угнетение у османов практически отсутствовало, любая должность доступна представителю любой нации или расы, да будь он хоть негром преклонных годов. Это касалось и высшей точки иерархии – среди матерей султанов было столько славянок, европейек и жительниц Кавказа, что любая попытка какого-нибудь безумного султана ввести националистическое или расистское законодательство могла привести только к необходимости гнать этого султана с престола поганой метлой.

Кстати, и религиозная терпимость в Османской империи была высокой. Еще десятка за два лет до воцарения Сулеймана его дедушка Баязет уже принимал целыми набитыми битком кораблями еврейских и мавританских изгнанников из пожелавшей единоверия Испании, с удовольствием наблюдал, как образованные и трудолюбивые беженцы приносят пользу османской экономике, и удовлетворенно изрекал по этому поводу: «Как можно назвать испанского короля Фердинанда умным правителем, его, который разорил свою страну и обогатил нашу!» Иноверцев не преследовали, позволяли во всех религиозных и многих прочих вопросах жить под властью собственных священнослужителей и начальников. А что налогом облагали, то какой же это налог, смех один по сравнению с налогами, скажем, процветающей и цивилизованной современной Швеции. Сядь Сулейман на шведский престол и введи такие налоги, шведы бы ему ноги мыли, воду пили и «Аллах акбар!» кричали (до чего и сейчас, похоже, рукой подать). Когда господарь Валахии Мирча Старый, предок небезызвестного Дракулы, решал, с кем ему дружить – с христианской Венгрией или мусульманской Турцией, его решение было принято именно из религиозных соображений. Конечно же, в пользу Турции – турки против православия ничего не имели и вселенский патриарх пользовался всеми благами положения крупного чиновника Османской державы, а для католической Венгрии в те годы православный еретик был ничуть не лучше инаковерующего мусульманина, и большей милости, чем сожжение на быстром, а не на медленном огне, ждать ему не приходилось. Общепринятым языком в турецком флоте в те времена был итальянский – запах жареного мяса от костров инквизиции гнал итальянцев служить щедрому и терпимому султану, которому плевать на то, сколько у кого жен, и никакие легионы святых и тонны реликвий их от этого не удерживали. Ближе к современности Сулейман и тем, что покровительствовал искусствам, помогал поэтам (и сам писал вполне приличные стихи), да и турецкая архитектура при нем расцвела, знаменитый Синан, величайший турецкий архитектор – тоже «птенец гнезда Сулейманова». Сулейман был не чужд гуманных поступков – скажем, разрешил вернуться домой всем ремесленникам завоеванных стран, угнанным в Стамбул его папашей. В общем, вполне позитивная фигура, по заслугам входящая в число первых десяти великих султанов Османской империи. Десятым, то есть последним.

В гареме. Теодор Хенвич. XIX в.

Чем же провинился Сулейман, чего же не учел, где ошибся? Почему уже правление его сына обозначило закат османского могущества, а дальше все вообще понеслось-покатилось? Положительных качеств у него, как уже говорилось, было даже больше, чем можно ожидать от наследственного владыки. Излишней жестокостью, в отличие от то ли Жестокého, то ли Грозного папочки Селима, он не отличался, а голубиной кротости от турецкого султана никто и не ожидает – не та работа. Может быть, не совсем хорошо было то, что на склоне лет он все большую часть работы по управлению государством сваливал на визиря? Согласен, в дальнейшем этот недостаток усугубился и принес державе немало вреда. Но вряд ли это хуже другой крайности, когда Селим Явуз отправлял к палачам своих визирей за малейшую провинность или ее видимость, в результате чего в турецкий язык вошло широко употребляемое еще в XIX веке проклятие: «Чтоб тебе быть визирем у султана Селима!» Семь отрубленных визирских голов за восемь лет правления – это действительно жизнь не по средствам, так никаких визирей не хватит, придется за границей закупать... По этой части Сулейман был гораздо более скромн, хоть и не безгрешен.

Одалиска в пустыне. Отто Пулиш. XIX в.

Тем не менее факт – баланс ветвей власти он действительно нарушил, и это вполне современное лыко можно поставить ему в строку. Но больше всего усилился не визирь, а третья ветвь власти, у нас ведь три ветви власти, не говоря уже о четвертой – прессе, так почему у турок их должно быть меньше? Была у них даже четвертая власть, официально без особых полномочий, но иногда говорящая свое весьма грозное слово так, что остальные три ветви и пикнуть не смели – янычары. А вместо нашей официальной триады – власть законодательная, исполнительная и судебная – у турок была своя. Султан – визирь – гарем. Вот как раз власть гарема при Сулеймане возросла многократно. Вряд ли это произошло по причине сходства с тезкой, библейским царем Соломоном, у которого тоже был гарем проектной мощностью в семьсот жен и триста наложниц – всегда лучше учиться у тезок хорошему, вроде мудрости, образованности, создания и соблюдения законов, праведного суда и всего такого, что действительно, к чести султана, наблюдалось на практике. Да и вообще не в имени дело. Дело, как всегда, в конкретном человеке, родившемся в 1505 году на территории нынешней Западной Украины, то ли в Рогатине, то ли в Чемеривцах – сейчас уже не разобрать. О ней мы сейчас и поговорим. Сейчас о ней вообще говорят слишком много, написали роман, сняли многосерийный фильм, да еще и не один, наверное, есть о чем словечком перекинуться!

Настя: наложница султанских кондиций

Она была дочерью православного священника, и это в будущем принесло ей огромную пользу – образование оказалось ей крайне полезным, хотя вовсе не так, как она думала. Она обладала немалым лингвистическим дарованием, еще девочкой изучила латынь и греческий – языки образованного Запада, а в ее новой жизни смогла без труда постичь и основные языки тогдашнего мусульманского мира: турецкий, персидский и арабский. Более того, на персидском и арабском она писала стихи, ведя с Сулейманом Кануни стихотворную переписку, лиричную и вполне совершенную по форме. Она обладала железной волей, выносливостью, гибкостью психики и жесткостью души, умудрившись только стать сильнее в обстоятельствах, в которых многие сходили с ума. А вот с местом жительства ей не повезло. Вся нынешняя территория Украины (и не только она) или принадлежала в те времена Турции напрямую, или превратилась в охотничий заповедник всяческих людоловов, в основном крымских татар, вассалов той же Турции. Не удивляйтесь и вообще не думайте, что работорговля дело такое уж давнее. Еще в XVIII веке из Крыма экспедиции за рабами отправлялись с регулярностью, достойной лучшего применения, да и в наше время в аэропортах висят плакаты организаций, борющихся с торговлей женщинами – что не делать, чего опасаться и кому звонить. А уж тогда это был выгодный бизнес и рынки рабов по всему Средиземноморью охотно торговали добычей подобных набегов – мужчин на черные работы, женщин, как сейчас бы сказали, в секс-рабони. Чем красивей и моложе добыча, тем роскошнее гарем, который ее купит, а для султанского гарема все должно быть первосортным: и красота, и здоровье, да и образование не мешало. Это не говоря уже о том, что султану требовалась практически обязательная девственность, что в те тяжелые годы отсутствия пластической хирургии было труднее, чем в наше время. У Насти Лисовской все оказалось, как для гарема положено, и ее похитители даже сами не попользовались красивым куском женского мяса, потому что им это было не по карману. Так и сейчас охотник в Сибири с удовольствием пустил бы добытых соболей жене на шубу, а не на пушной аукцион, но его супруга по-прежнему ходит в драной кацавейке – деньги нужны!

Так что уважайте образование – оно способно выручить даже в такой пиковой ситуации. Конечно, от массы унижений оно Настю не избавило: и ужас самого захвата, сопровождаемый опускающимся на плечи арканом или мешком, нахлобученным на голову, и тесноту трюма невольничьей галеры, да и рынок рабов, где товар демонстрируют возможным покупателям без упаковки, чтоб они могли проинспектировать все необходимое собственными глазами, а самое сокровенное еще и собственным пальцем, что ей, видимо, пришлось пройти. Но вот плетью по грязи, да еще и босиком (не забудьте о состоянии дорог в те времена, еще худшем, чем сейчас, если у кого хватит сил в такое поверить) ее, пожалуй, не гнали. По той же причине, по которой дорогие авто грузят в трюм корабля не навалом, а бережно и аккуратно – каждая царапина снижает цену товара. Учите языки, ведь и не подумаете, где пригодится! Вот выучила Настя греческий – и купивший ее визирь Ибрагим-паша, этнический грек, смог оценить знание полонянкой его родного языка, пригляделся к прочим ее достоинствам и решил, что такое сокровище, может быть, ему и не по чину, а султану как раз на его размер! Некоторые считают, что ее купил и подарил султану не менее влиятельный сановник Рустам-паша – скорее всего, это ошибка. Во-первых, путаница естественна: Ибрагим-паша был женихом сестры султана, Рустам-паша стал супругом дочери султана (от Насти, между прочим – счастья ему это не принесло), а ведь и по-русски и мужа сестры, и мужа дочери часто называют одинаково – зять. А во-вторых, Ибрагим-паша был щедр, славился неслыханными раздачами милостыни беднякам, а Рустам-паша был настолько патологическим скупердеем, что даже угодил в этом малопочтенном качестве в турецкий фольклор – подарить столь ценную невольницу его бы такая жаба задавила, что тысячу французов хватило бы накормить! Так что именно Ибрагим-паша,

скорее всего, и обеспечил бедной Насте проживание в «Дурр-ус-Саадет», Доме Счастья – вот как изысканно называли турки султанский гарем.

Роксолана: выбор сделан

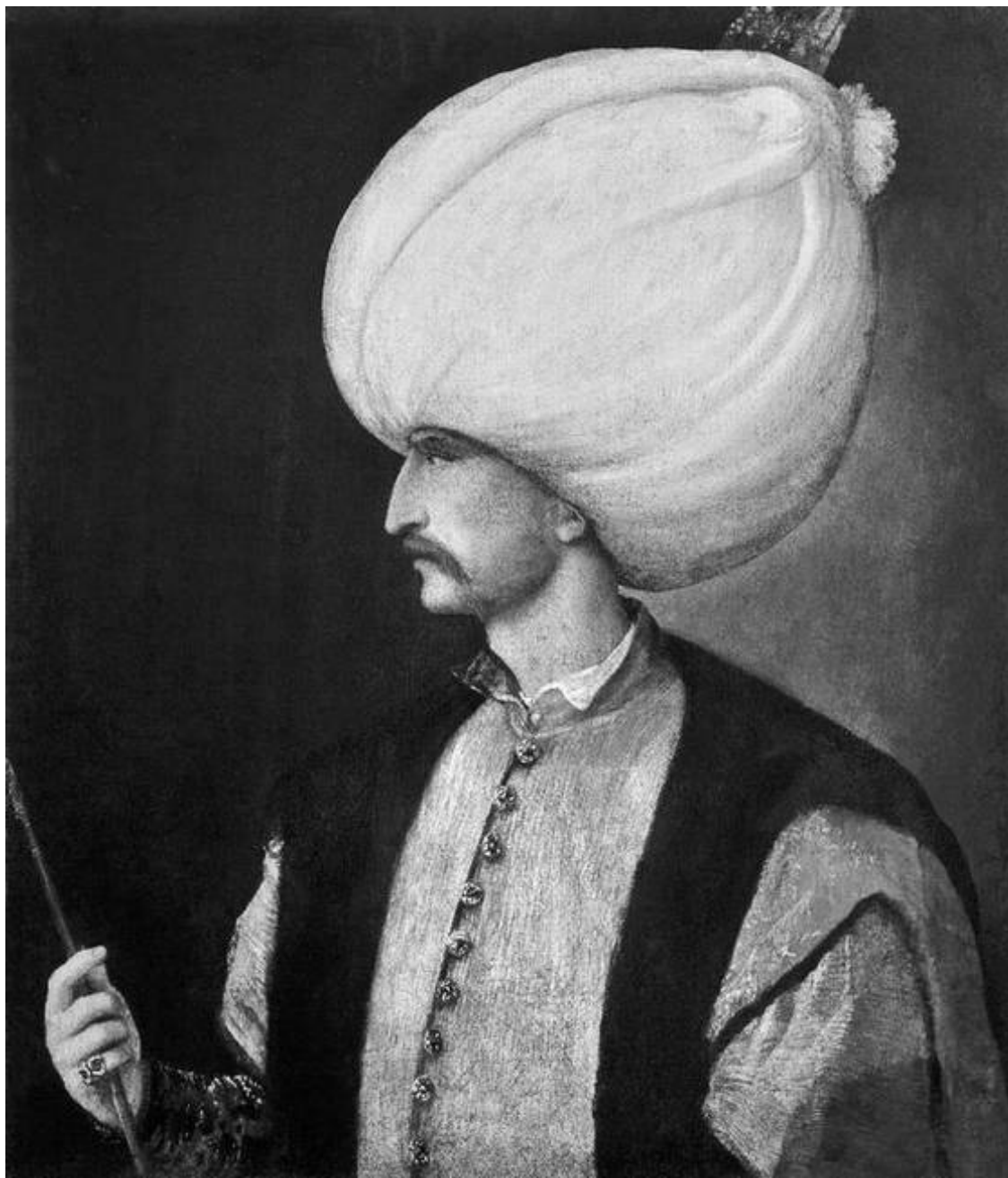
Что же происходит с невольницей, подаренной султану? Она попадает в запретное место – так, собственно, слово «гарем» и переводится. Дам в нем уйма, и далеко не все для секса, многие просто по хозяйству. Они носили титул хазинедар – хранительниц, им присваивали ранги от первого до пятого, и работали они не меньше наших женщин. Наши мужчины поваров не нанимают, им жены борщ варят, а султану что, так нельзя? Вот и у султана кахведжи-уста кофе варила, чашнагир-уста пробовала всю приготовленную еду, чтоб ее для любимого султана не приправили какой-нибудь отравой, а килерджи-уста следила за сохранностью запасов в султанском винном погребе (да-да, у султана-мусульманина, он же еще и халиф, верховный владыка правоверных, – кто же ему пить запретит?). Совершенно так же и с прочими хозяйственными обязанностями: белье стирает чамашир-уста, в бане, натопленной кюлханджи-уста, трет султану спинку ибриктар-уста, ставит заболевшим наложницам тогдашние горчичники и выдает им тогдашний аспирин хасталар-уста... В общем, все при деле, как в «Кавказской пленнице»: «Зульфия мой халат гладит у доски, шьет Гюли, а Фатъма штопает носки».

Что ж, они все и не наложницы вообще? Почему же – теоретически любую из них султан может выбрать и востребовать, они же «одайки», «комнатные женщины», (вот откуда слово «одаиски»), у нас ведь то же самое – кто мужику стирает и варит, ту он и на ложе приглашает, просто у него она одна, а у султана несколько сотен. Ходили всякие сказки, что султан прогуливается мимо кандидаток на редкое счастье и роняет около особо понравившейся платок, а та прячет его за пазуху, что означает ее готовность воспринять оказанную милость. Но гораздо вероятнее версия, изложенная жене французского дипломата одной из фавориток Мустафы I. Согласно ей, султан просто посылал планируемой на сегодняшнюю ночь прелестнице подарок, после чего ее вели в баню и доставляли к дверям опочивальни уже помытой. Там она ждала, пока султан ляжет, а потом ползла к его ложу на коленях, чтоб лучше настроиться на покорное служение своему повелителю. Если султан сочтет, что ему служили хорошо, утром пришлет еще и подарочек. Гарем – это ведь, помимо всего прочего, экономика, всем его обитательницам полагалось питание и вполне приличная зарплата, да и насчет одежды с приличествующими побрякушками султан не жался, поскольку сам пророк Мохаммед повелел: «Давай рабам все то, что ты сам ешь и носишь, и никогда сурово их не наказывай». Правда, последнее выполнялось с оговорками – даже просто за скандальность султан мог приказать подвергнуть строптивницу кроткой каре без пролития крови на турецкий манер, то есть запихнуть ее в кожаный мешок совместно с кошкой и змеей, после чего отправить весь этот зоопарк купаться в Босфоре через специальное окно в стене дворца как раз над обрывом. Говоря языком того же Гайдая: «моментально – в море!».

В гареме султана. Неизвестный художник. XIX в.

Если же красотке фантастически везло и она умудрялась забеременеть, ее ранг сразу повышался (чуть позже таких стали звать «икбал», то есть счастливые). А родившая султану ребенка могла возвыситься даже до титула кадын-эфенди, то есть жены султана. Но в султанском гареме и это не было главным титулом – всеми руководила валиде-султан, мать султана, практически полновластная хозяйка всего гарема, этакое воплощение мечты свекровей всего мира об абсолютной власти над невестками. У кого больше власти, у нее или у султана, – вовсе не такой уж простой вопрос. Гарем – источник огромной власти, которая велика еще и потому, что не прописана ни в каких документах и поэтому не знает пределов. Чтоб понять важность гарема в Блистательной Порте, достаточно знать, что начальник охраны Дома Счастья был третьим чиновником империи после великого визиря и шейх-уль-ислама. Кстати, откуда в гареме начальник охраны? Неужели мужчина? Нет, не совсем – разве что в прошлом. Не забудьте еще об одном могущественном сословии гарема, а значит, и всей Турции – евнухах. Искалеченным мальчикам, привезенным в султанский гарем с невольничьих рынков, в качестве компенсации за вечное исключение из мира полноценных людей предоставлялась не только еда и кров, не худшая, чем у вельмож, но и возможность вершить судьбы практически любого подданного султана, будь он хоть сексуальный гигант. При этом они отнюдь не славились излишней добротой и открытостью, и понятно почему – слишком многое было у них отобрано. При этом в качестве дополнительной компенсации они ухитрялись заниматься относительно безопасным сексом с несчастными обительницами гарема, настолько ненасытными, что им раз в год с законным повелителем было мало, а друг с другом не так интересно. Причем они это проделывали настолько искусно и энергично, что одалыки в отставке, выданные султаном замуж с небедным приданым за доверенных сановников (такая вот была в гареме форма пенсионного обеспечения для невезучих девушек, которых султан так и не удостоил внимания в течение девяти лет), жаловались на то, что интимное общение с мужьями по сравнению с настоящей страстной любовью евнухов – просто бледная тень. Немудрено, что султаны постоянно боялись, что отрезанное у евнухов ненароком снова отрастет, и регулярно их проверяли, причем в совершенной уверенности, что ведь бывали случаи...

Сулейман Великолепный. Тициан. 1530 г.

Как же было бедной девочке Насте вообще во всем этом выжить, не говоря уже о том, чтоб занять более-менее безопасное место в этом Доме Счастья, где несчастья подстерегали ее на каждом углу? Для начала нужно было отказаться от веры, в которой она выросла, от веры ее собственного отца – она сделала это не моргнув глазом. Те, кто не отказался от собственной веры под угрозой смерти, имеют право ее осудить. Я промолчу. Практически все так поступали, всех-то делов – сказать: «Нет Бога, кроме Аллаха, Мохаммед посланник Аллаха», – и даже обрезать ничего не надо, нечего там обрезать! Вот и Настя не отказалась молиться Аллаху вместо Иисуса. Но это далеко не все. После отказа от веры нужно отказаться от языка. Сохранить его – не проблема, в гареме славянский язык (его тогда не ахти как делили на русский, польский и прочие) достаточно популярен, а в янычарском войске, которое набирают из полученных в качестве дани из завоеванных славянских стран мальчиков, – он вообще первый. Итальянский разведчик Паоло Джовио так и пишет императору Карлу V: «При султанском

дворе разные языки в ходу: турецкий, язык властителя; арабский, на котором написан турецкий закон – Коран; третье место занимает язык славянский – на нём, как известно, говорят янычары». Кстати, и сам султан, несомненно, в определенной мере этим языком владел, мать-сербка явно учила, так что и его внимания можно было бы добиться – но не стать совершенно своей! И тут решение было принято быстро и сразу: Настя очень быстро освоила турецкий на уровне родного, да он и стал для нее родным. А после отказа от веры и языка отказ от родины уже есть чисто техническая процедура. Чтоб надежно покорить сердце турецкого султана, надо быть турчанкой или хотя бы стать ею. Страшное насилие над всем, что в человеке свято, – не затаила ли она в памяти зла на тех, кто ее к этому принудил? Вполне возможно, человеку трудно простить такое. Так что все, что в ней осталось славянского, – это кличка, данная ей, скорее всего, венецианскими дипломатами, старавшимися через своих шпионов быть в курсе всех событий при дворе потенциального противника. Они называли ее роксоланой – нет, тут не опечатка, именно с маленькой буквы. Просто по латинскому названию племени, к которому, по их мнению, Настя Лисовская принадлежала.

Роксолана. Тициан. XVI в.

Кстати, а славянское ли племя они имели в виду, и если да, то какое? Впервые упомянувшие роксоланов Страбон и Тацит совершенно однозначно считали их сарматами, то есть ираноязычным племенем, а Тацит их славянам вообще напрямую противопоставлял. Правда, после их завоевания в IV веке гуннами остатки роксоланов могли принять участие в формировании некоторых славянских племен. Но называть их славянами и отождествлять с Русью впервые стал только автор учебников истории для гимназий XIX века Иловайский – как раз к тому времени, когда к этой науке возник интерес у исторических романистов, которые за эту

версию незнамо с чего радостно ухватились. Кстати, средневековые европейцы называли Сарматией как раз Польшу. Помните «Королеву Марго» Дюма? Там Маргарита, готовясь встречать польских послов, предлагающих ее брату Генриху корону своей страны, усердно пишет полтавы речи именно к послам Сарматии... Польская кровь у Насти вполне вероятна – Казимир Великий захватил Львов и его окрестности еще за полтора века до ее рождения. А была ли она украинкой, в чем вроде бы практически все уверены? Есть пара тонкостей. Вот потомки ее родни, если пережили все войны и кровопролития, затронувшие эти края, и никуда не перебрались, вполне возможно, что и считают себя украинцами. А сама Настя не только родилась польской подданной – после завоевания ее родины тот же Казимир Великий включил в свой титул слова «Король Русской земли», и ее православных жителей обычно русскими сами же поляки и звали. Даже через сто с лишним лет Богдан Хмельницкий на вопрос, к какой национальности он себя относит, ответил, что раз уж живут на Украине два народа, то он относит себя к русским. Тогда с этим все в Польше было просто: католик – значит поляк, православный, как Настин папа, – значит, русский. Полагать, что для Насти в этом вопросе сделали исключение, могли только чрезмерно патриотично настроенные украинские писатели, которые приватизировали знаменитость, даже не подумав, такая ли это хорошая реклама для Украины. Но их русским коллегам отбивать у них Настю не советую – русских она тоже мало украсит, да и турчанка она, самая настоящая, причем по собственному выбору. В наше время к национальному вопросу в Европе подходят именно так: если захотела женщина быть турчанкой, приняла ислам, как турчанкам и положено, да и родным языком для нее стал турецкий, то она турчанка, и все тут. А кто не согласен и ссылается на ее хромосомный набор, пусть отнесет свои соображения на тот свет в расовый отдел гестапо, потому что никто другой слушать их не будет. Даже немножко неудобно перед турками – что же я им подсовываю, они же мне ничего плохого не сделали... Но истина именно такова, и просто некуда от нее деваться. Не писать же, как один украинский журналист, что на читательской конференции в Чемеривцах, ее возможной родине, все «были единодушны, что родилась-таки в Украине, за которую болела всей душой до последних своих дней». Было бы, конечно, хорошо, но какие этим прекрасным словам есть доказательства, кроме горячего желания? Может быть, полностью покорный ей влюбленный супруг-султан по ее просьбе прекратил ужасные набеги на славянские земли подвластных ему людокрадов? Сама же в их лапы попала, знала, что это такое... Да ничего подобного, как бесчинствовали, так и продолжали бесчинствовать, и турчанке Насте было на это наплевать с самого высокого стамбульского минарета! У нее уже шла совершенно другая жизнь, где не было ни городка, где она родилась, ни отца с матерью, ни подруг детства, – страшная и беспощадная. Пусть уж и дальше живет турчанкой, даже роксоланой называть ее не стоит. Скоро у нее появится новое имя.

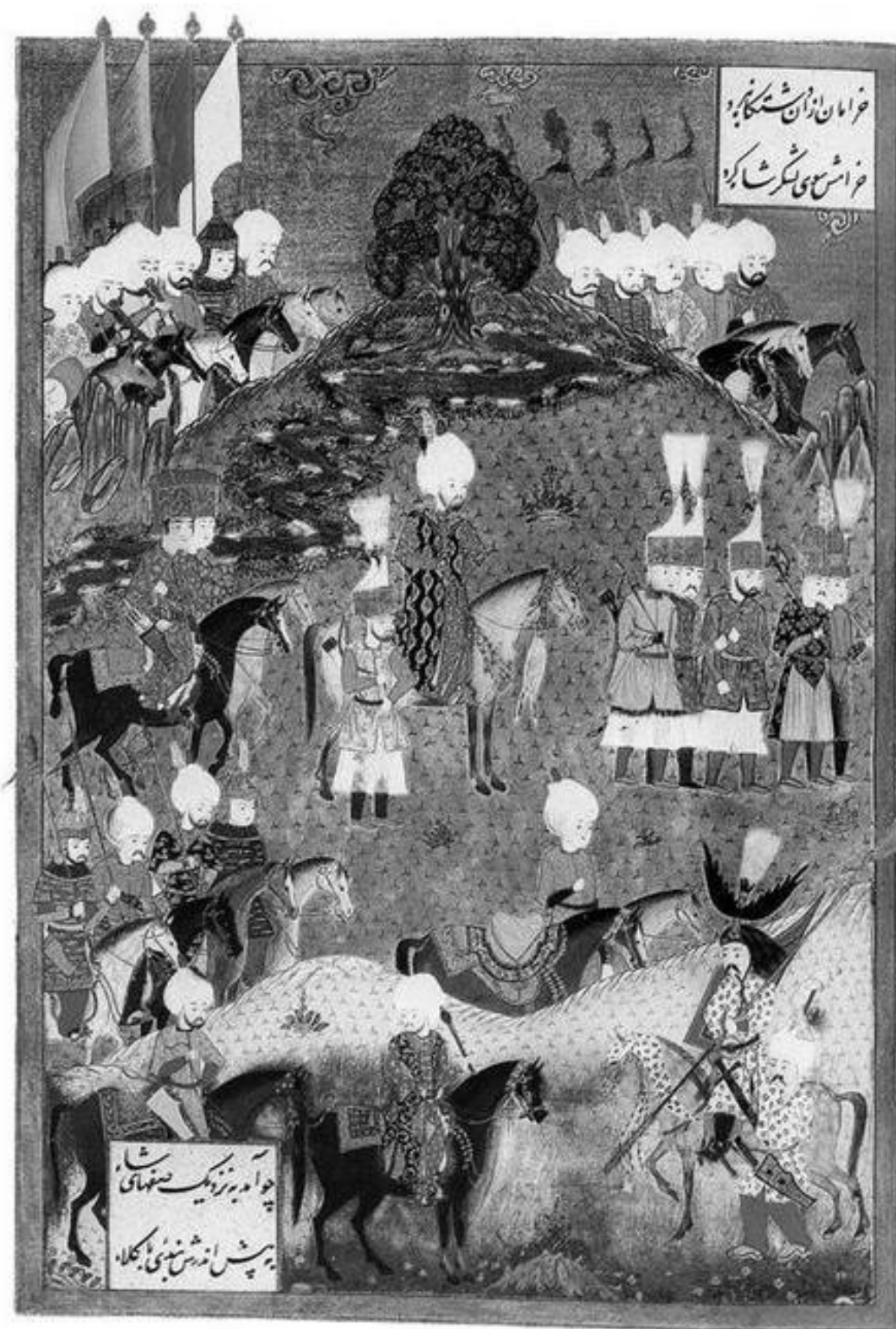
Хюррем: она же Хасеки

Настя стартовала в чудовищно опасной гонке за внимание султана. Соперниц сотни, и все красавицы... Многие из них поступали в гарем, как современные подростки в престижный вуз, – по немалому конкурсу, в тяжелой борьбе, мечтая, что выберут именно их и вся их дальнейшая жизнь будет счастливой, почетной, обеспеченной и интересной, гораздо лучше тяжелой и рутинной работы в черкесском ауле или грузинской деревне. В общем, в гарем рвались точно так же, как в МГИМО или МТФИ; готов поспорить, что даже через знакомых благу торговцев живым товаром искали и взятки давали, лишь бы получить стамбульскую прописку любой ценой. И за внимание султана боролись так же – будучи готовой на все, лишь бы повелитель остановил свой взор. Что помогло Насте добиться этого, оставив кучу народу за бортом? Популярные статьи полны душещипательных историй о начале ее романа с султаном, но в исторических статьях им нет подтверждения, а выдумать можно и поэффектней. Все сходятся лишь на одной ее особенности, подтвержденной и ее современниками, – звонком заразительном смехе, не обратив на который внимание было просто невозможно. Нервных мужчин это пугает, иногда до вспышки гнева, но Сулейман явно не был таким. Он заметил этот смех и решил познакомиться поближе с той, которая так заразительно смеется. Впоследствии слово Хюррем, по-турецки «смеющаяся», стало ее именем для всех ее окружающих, кроме султана – он чуть позже стал называть ее Хасеки, что по-турецки значит «милая сердцу». Вот этому приходится верить – слишком много свидетельств. Понимаю султана – такой смех действительно обращает на себя внимание. Сам знаю двух женщин с таким смехом, и в обеих течет украинская и польская кровь. Случайное совпадение? Что-то не похоже... Зато теперь у Насти есть новое турецкое имя – будем теперь называть ее так. Роксоланой уже не стоит, очень вскоре после своего возвышения она его весьма символически передала. Видите ли, носик у нее был по-славянски курносый, и на самом известном ее портрете это было весьма заметным образом запечатлено. А ближе к нашим временам зоологи открыли в Китае весьма эффектных мартышек с золотисто-оранжевой шерстью, синей мордочкой и вздернутым курносим носиком. По этому носику им и дали имя – *Pygathrix roxellana*, мартышка-роксолана по-нашему. Вот эту мартышку Роксоланой и зовите, а Настя Лисовская теперь Хюррем.

Дальше происходит то, что бывает очень редко, а с турецкими султанами не бывало практически никогда – весь продуманный, рассчитанный на султана любого темперамента и готовый к работе на полную мощность Дурр-ус-Саадет перестает давать стране угля. Никому не надо. Одамы бездельничают, портят зубки сладостями, перебивают косточки друг другу, всему посольскому корпусу и лично Его Величеству, любятся с евнухами и друг с другом так, что дым идет, а Хюррем в султанской койке отдувается за весь трудовой коллектив, а всех прочих доблестных гаремных тружениц возвратно-поступательного движения, кроме Хюррем, беспокоят все реже и реже! Кормить и снабжать не перестают, Боже упаси, – просто оставили в покое, сплетничать и интриговать практически не мешают, а вот работать не зовут. Зато иностранные посланники при деле, контора пишет, их государям уходят донесения одно другого занимательней, скажем, Карлу V сообщают, что «единственным изъяном в характере Сулеймана является его чрезмерная преданность жене». На этих гяуров не угодишь – гарем, видите ли, им не нравится, а если султан предан одной женщине, это им тоже плохо! Кстати, обратите внимание: не наложнице, а жене – шести лет не прошло, как после рождения сына султан на Хюррем официально женится, кто ему запретит?

Мехмед Фатих: султанским братьям не жить!

Этот брак оказался не только счастливым, но и многодетным: четыре сына и дочка, причем, что для турецких султанов нетипично, от одной женщины, а не от пяти. Но вот что интересно: сыновей рожали, воспитывали, учили, папочка игрушки дарил, ласкали, холили, баловали, чествовали – и все для того, чтоб убить всех до единого! Их родной единокровный брат, родившийся раньше, как только воссядет после смерти отца на престол, был должен выполнить закон великого султана-завоевателя, покорителя Константинополя Мехмеда Фатиха, – перебить всех своих братьев до единого, да еще и беременных отцовских наложниц прикончить, чтоб никто, кроме нового султана, на престол не претендовал. Вполне в духе грозного истребителя Византийской империи – он, когда кто-то из его слуг съел ранний огурец, на который сам султан уже нацелился, не мучил их допросами, не пробовал, как многие небось заподозрили, добыть истину пытками, а просто приказал по очереди вспарывать подозреваемым животы и искать кусочки огурца – чай, не переварились еще. У пятого нашли, так ему еще и голову отрубили, остальным, считай, повезло, а первым четверем – не очень. Что такому рачительному хозяину собственные дети по сравнению с угрозой смятений в империи? Его правнук Сулейман тоже воцарился по обычаю, и ни единого братика у него к моменту коронации не было, подевались куда-то, – так какие могут быть сомнения в судьбе Сулеймановых сыновей после его смерти? А старший сводный братец у сыновей Роксоланы есть – Мустафа, сын черкешенки Гюльбехар. Талантливый молодой человек, любимец стамбульского плебса, умный, храбрый, свирепый и кровожадный – в общем, гораздо больше годится в турецкие султаны, чем его относительно интеллигентный папочка. Вот придет за Сулейманом Разрушительница наслаждений и Разлучительница собраний, воссядет Мустафа на престол и тщательно проследит, чтоб верные слуги сделали его круглым сиротинушкой (разумеется, за исключением валиде-султан, мама – это и у турок святое). За это ли Хюррем боролась? Ой, боюсь, не смогла она окончательно стать турчанкой – у них стерпеть такое как-то получается, а при типично славянском отношении к детям не выходит. Чтоб избежать такого исхода, делается все возможное, а невозможного просто не существует. Только смерть способного наследника Мустафы спасет ее детей, да еще в придачу и нанесет опасный удар империи, которая обрекла ее на рабство, – разве могла она не желать этого хотя бы иногда, может быть, и не осознавая этого?

Поход Сулеймана на Нахичевань. Миниатюра XVI в.

У мужчин есть ум, а у женщин – чутье. Гюльбехар сразу почувствовала, что новая симпатия султана является смертельной угрозой и ей, и ее любимому сыну. Еще в самом начале карьеры Хюррем столкнулась с дополнительной проблемой. Первая на тот момент по рангу кадын-эфенди относилась к ней отнюдь не нейтрально, оскорбляла ее, унижала, а однажды не выдержала и прибегла к рукоприкладству: расцарапала лицо, вырывала клоки волос – ну вот видели, как пьяные бабы на базаре дерутся? Так разгневанные султанши вдвое хуже, не

извольте сомневаться. Но расцарапанная, взлохмаченная и, скорее всего, покусанная Хюррем обладает стальной волей, умеет делать большие ставки и наносит совершенно неожиданный ответный удар. Когда уже приметивший ее султан призывает ее к себе, она смиренно, но непреклонно отвечает, что по воле госпожи старшей султанши она сейчас к употреблению по назначению совершенно непригодна и скорее отправится в пресловутый кожаный мешок с кошкой и змеей, чем нанесет обиду любимому руководителю столь непристойным внешним видом. Все ожидали, что именно этим дело и кончится, ведь недавно одна из султанских любимиц по имени Гюльфем угодила в этот самый мешок за существенно меньшее преступление – она продала свою очередь к султану, тихо-мирно, без скандала на весь Дом Счастья. Что же султан сделал с Хюррем? А ничего, только разобрался во всей этой истории, и после этого влияние Гюльбехар на султана начало стремительно падать. Кончилось это отправкой Мустафы на пост губернатора в отдаленный вилайет, разумеется, вместе с матерью – чтоб не разлучать ее, бедняжку, с сыном, за которого она так волновалась. А при абсолютной монархии влияние кончается вместе с удалением от монаршей особы. Ближе Хюррем к Сулейману теперь никого нет, ее влияние на жизнь империи османов усилилось до предела. Не слишком ли это опасно для империи, по законам которой ее оторвали от дома и продали в рабство? Или, воссев на престол этой империи, она все забыла и простила? Будет видно по ее делам.

Ибрагим-паша: воспротивившемуся смерть!

Хюррем вывела из игры главную соперницу, но это не отменяло сурового закона Мехмеда Фатиха. Есть еще полный гарем возможных кандидаток на ее место, со своими планами и амбициями. Есть высшие сановники, верные традициям. Есть, наконец, султан, для которого каждый новый день совместного проживания с одной-единственной женщиной может оказаться шансом обнаружить в ней новый недостаток. Сколько ей удастся продержаться, когда вокруг такие опасности? Оказалось, что долго – всем хватило. Время Хюррем было единственным, когда гарем перестал играть в жизни Османской империи свою обычную огромную роль. Судя по всему, формально его не распустили, но сугубо за недосугом и отсутствием необходимости в серьезной экономии.

С вельможами оказалось сложнее, но тут Хюррем показала во всей красе свои новые качества – коварство и безжалостность. Контроля над лидерами возможной оппозиции она добивалась любой ценой. Скажем, за Рустема-пашу она просто выдала свою 12-летнюю дочь, формально возвысив его до положения зятя султана, а фактически поставив под жесткий контроль своей глупенькой дочки, которая усердно сообщала мамочке все секреты супруга.

Роксолана. Неизвестный художник XVI в.

На месте Рустама-паши я бы в ужас пришел от такой тещи, особенно с учетом того, что ее благодетель Ибрагим-паша, место которого Рустам-паша во многом милостью Хюррем в итоге и занял, кончил очень плохо. Вроде бы он ничего против собственного подарка не имел, но с «черкесской партией», ориентирующейся на Мустафу и его мамочку, тоже старался поддерживать определенный политес, похоже, что это его и сгубило. Никаких документов относительно того, что именно Хюррем нашептала в уши Сулейману компромат на его преданнейшего раба

и великого визиря, который во время всех военных походов с султаном в одной палатке спал, да еще и сыграл огромную роль в продвижении его реформ, разумеется, нет – она султану докладных не писала, а чтоб просто рассказать ему что вздумается, у нее была целая ночь. Но факт остается фактом – 15 марта 1536 года Ибрагим вошел в султанский дворец, а уже оттуда его вынесли. Существует даже легенда, что пятна его крови до сих пор остались в одном из дворцовых покоев, но я что-то плохо верю – такие проблемы в султанском дворце обычно решали шелковым шнурком. Что-то потом говорили, что его покарали за излишние профранцузские симпатии. Но этому уж точно не поверю – Франция с Турцией как раз начинали дружить против Австрийской империи, и эта линия всегда торжествовала в турецкой политике. Через некоторое время Рустам-паша занял место Ибрагима-паши и, будучи уже человеком команды Хюррем, сыграл немалую роль в дальнейших событиях, еще боле ужасных. Кстати, масса статей о Хюррем сообщает нам, что и Рустама-пашу по ее наущению удавили шелковым шнурком. Учитывая то, что его второе визирство закончилось через три года после ее смерти, остается разве что предположить, что ее призрак явился к султану и потребовал казнить преступного зятя... Впрочем, все еще проще – ни в одном историческом труде нет ни слова о его насильственной смерти, но авторам легковесных статей так кажется ужаснее, а проверяют их редко.

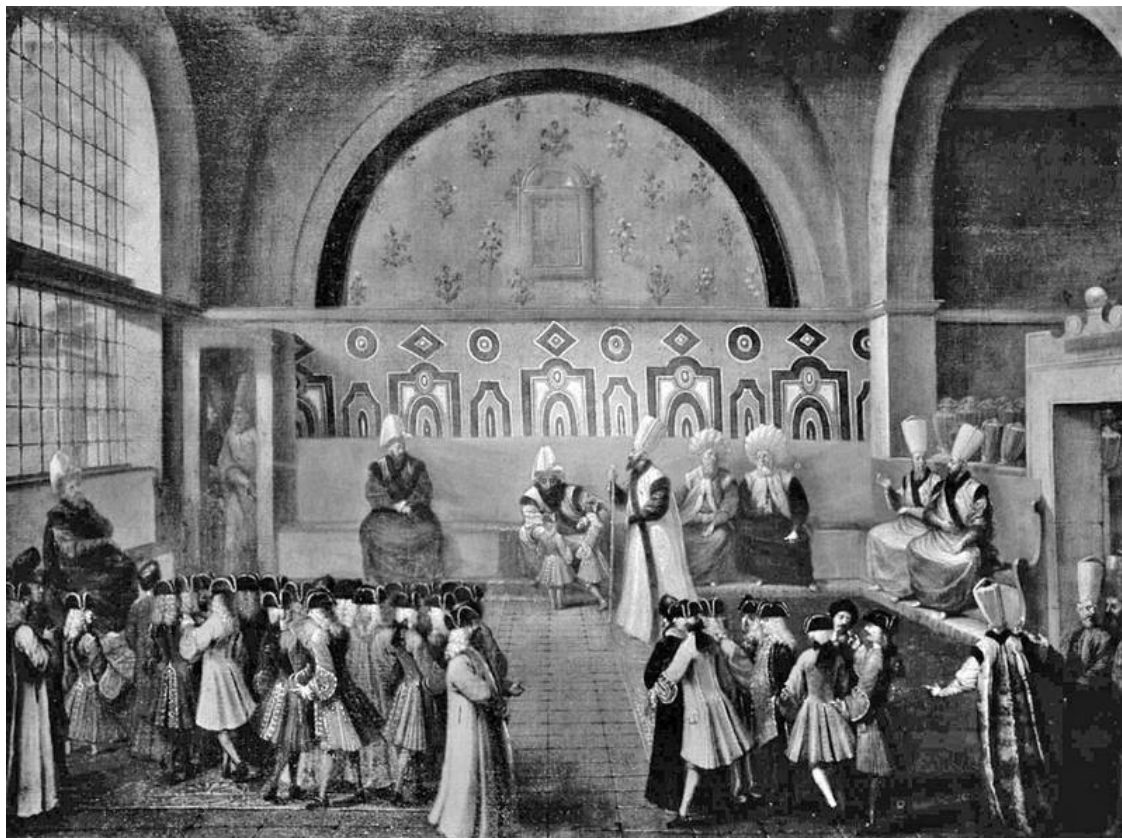
Мустафа: цель поражена!

Может, и на нее зря клепают? Может, и зря, но почему столь единодушно? Строго доказать, что именно она оклеветала старшего сына султана Мустафу и внушила мужу, что он, опираясь на сербов, хочет свергнуть отца с престола, уже, скорее всего, никогда не получится. С любимой супругой султан общался с помощью писем только в военных походах, получая от нее не только информацию о житейских подробностях, но и вполне грамотно сделанные стихи со строками вроде «Позволь Хюррем быть принесенной в жертву за один волосок из твоих усов». Теоретически может что-то найтись, но через 500 лет это очень вряд ли. Все основные тексты насчет того, что Мустафа вот-вот пойдет по стопам своего дедушки Селима Явуза, поднявшего мятеж против собственного отца, и в итоге принудившего его отречься от престола (а возможно, и отравившего – тоже все так считают, хотя точно доказать уже никак нельзя), Хюррем просто шептала любимому Сулейманчику на ушко, а тот годами их слушал и сам не замечал, как все больше и больше этому верил. По тому, что она именно это делала, в турецком обществе царит полный консенсус, разве что некоторые замечают, что именно так, как она говорила, может быть, все и было, и подозревали наследника не зря – ведь перед гибелью Мустафа действительно направился в места дислокации султанских войск, собранных для решающего сражения с иранским шахом Тахмаспом. По-моему, этот аргумент слабоват – а куда же, если не к войскам, должен направляться перед войной наследник турецкого престола?

Роксолана. Гравюра XVI в.

Если бы он знал, что у отца уже лежало не им писанное его письмо шаху Тахмаспу с предложением о союзе и убийстве султана, мог бы и не поехать... Письмо явно было поддельным – кто же такие слова станет писать чернилами на бумаге? Такие вещи тихонько говорят на ушко – как Хюррем Сулейману, который верил в заговоры не меньше любого турецкого султана и вековой опыт эту веру скорее подтверждал, чем опровергал.

Прием французских послов. Жан-Батист ванн Мур. XVIII в.

Султан среагировал по самому жесткому варианту. Когда Мустафа вошел в его шатер и поцеловал ему руку, тот подал знак палачам, и те немедленно задушили Мустафу шелковым шнурком. Скорее всего, на глазах иностранных послов – немецкий посланник Бузбек вспоминает, что Сулейман глядел на смерть сына из-за матерчатой ширмы и ужасными взглядами как бы упрекал палачей за то, что копаются. Тут же был отдан приказ убить всех сыновей Мустафы, который не замедлили исполнить. Хюррем добила своего – теперь смерть султана была совершенно не опасна ее второму сыну Селиму (первый умер в младенчестве), он унаследует престол! А прочее многочисленное султанское потомство куда-то исчезло – тоже говорят, что не без участия Хюррем, но это уже практически по обычаю. Не все обвинения в ее адрес правдивы. Например, не стоит приписывать ей убийство своего собственного младшего сына Баязида – он, страшась участи, которая раньше грозила и Селиму, поднял восстание и после его провала бежал к персам, а те его и продали Сулейману за каких-то 400 000 золотых монет, после чего он, разумеется, был казнен. Но все это произошло в 1561 году, через 3 года после кончины Хюррем в великой славе и почете, к неутешному горю пережившего ее на 8 лет супруга. А вот матери султана пережить Хюррем не удалось – после ее попытки объяснить сыну, что он слишком безоглядно доверяет этой лживой и жестокой роксолане, валиде-султан почему-то умерла при весьма странных симптомах после крайне недолгой болезни. Что в Турции говорят о причинах ее смерти – каждый догадается.

Великий архитектор Синан выстроил близ возведенной им великолепной мечети Сулеймание сначала мавзолеей Хюррем, а потом и мавзолеей самого Сулеймана Законодателя. Есть в Стамбуле и другие места, напоминающие нам о Хюррем: целый район города, включающий в себя возведенные по ее приказанию на месте снесенного рабского рынка мечеть, богадельню и медресе, носит имя Хасеки. Памятником архитектуры осталась и возведенная по ее приказанию баня, доходы от работы которой она предназначала на поддержание в целости Айя-Софии.

Сомневаюсь в домыслах о том, что дочь священника так хотела спасти для нас от разрушения великий христианский храм Святой Софии – если бы кто ей и сказал, что через полтысячелетия это здание превратят в музей, она бы не поверила. Для мусульманки Хюррем это просто была на тот момент самая монументальная из стамбульских мечетей, и все тут.

Селим: мусульманин-алкаш

Но главное, что она оставила своему мужу и их общей стране – новый султан Селим Второй, рыжий, весьма далекий по интеллекту от своего блистательного отца, да еще и страдающий пороком, особо удивительным у правоверного мусульманина, но вполне ожидаемым от славянина как минимум на три четверти (мать Сулеймана была сербкой).

Селим II Пьяница. Турецкая миниатюра. XVI в.

Для турецкого султана войти в историю под прозвищем Селим Мест, то есть Селим Пьяница, пожалуй, слишком экзотично, но он сумел этого добиться, хотя это кажется не более вероятным, чем испанский король, требующий от всех грандов сделать себе обрезание, или царь иудейский, обожающий яичницу с салом.

Мнения о Селиме как о человеке есть разные, но они чаще благоприятны – особой злости он не проявлял, писал довольно изысканные стихи, в общем, для султана очень неплохо! Даже держава османов при его царствовании приросла отвоеванным у венецианцев Кипром, а энергичный визирь Мехмед Соколлу управлял железной рукой. Но вот поход на Астрахань закончился унылым поражением, и не спасла даже фантастическая для тех времен идея прорыть для удобства доставки войск Волго-Донской канал – вот, оказывается, кто это придумал! А проигранная им битва при Лепанто стала поворотным пунктом всей турецкой экспансии – практически весь османский флот потоплен и сожжен, командующий им Али-паша убит, и голова его насажена на пику, потери европейской коалиции в кораблях меньше минимум на порядок. Турки еще храбрились, даже на небольшой срок смогли восстановить свою морскую гегемонию, говорили европейским послам, что при Лепанто христиане отрезали им бороду, но захватом Кипра они отрубили своим противникам руку, и борода отрастет, а рука нет. Все это были пустые слова – расширение империи османов на Селиме завершилось, десятый великий султан Сулейман был последним из великих, дальше и дела империи, и, так сказать, профессиональный уровень самих султанов стремительно покатались по нисходящей. Да и жизнь он закончил как-то не по-султански – гонялся в бане за голыми одалями с сосудом вина наперевес, поскользнулся и ткнулся височком об угол мраморной лавки. Вот такой подарочек оставила османам Хюррем, вот так отблагодарила супруга за любовь и неслыханное возвышение! Наверное, спасая сына от казни, она не желала сознательно покончить с успехами страны, в которой воцарилась, и подтолкнуть ее к гибели. А вот не желать этого подсознательно она просто не могла. Результат, в принципе, один и тот же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.